

Той безмолвный котелок каши стал чем-то вроде диковинного связующего состава: он вновь соединил надтреснувшие узы и сделал их крепче прежнего.

Линь Фэну больше не требовалась ежедневная порция «пасты для укрепления основ» в качестве психологической опоры. Эта грубая, но теплая каша куда эффективнее любого чудодейственного снадобья умирала его внутреннюю тревогу и смятение.

Он с головой ушел в тренировки, не отвлекаясь ни на что постороннее, и его воля, закалившаяся в этом упорстве, стала тверже, чем когда-либо. Он перестал гадать, что на уме у Тань Юньхана, и перестал терзаться из-за его холодности и отчужденности. Все накопившееся чувство глубокой благодарности и вины он превратил в неиссякаемый источник энергии. С каждым ударом, с каждым вдохом и выдохом он вновь и вновь прокручивал в голове технику скрытой силы — той, что копится внутри и не выплескивается раньше времени, — оттачивая безупречный контроль над энергией.

Тань Юньхан вернулся к прежнему распорядку. Каждое утро он по-прежнему появлялся, оставлял бамбуковый тубус и уходил. Только теперь в нем была не эффективная «паста для укрепления основ», а обычная целебная каша, сваренная из того, что удавалось раздобыть: диких овощей, грибов и изредка попадававшихся лесных ягод. Эффект был куда слабее, но зато она мягко питала организм — лучше, чем ничего.

Между ними установилось странное взаимопонимание. Линь Фэн больше не пытался выразить что-то горящими глазами или цветистыми речами. Всякий раз, принимая тубус, он лишь произносил с предельной серьезностью и тихим голосом:

— Благодарю за труды, младший брат Тань.

Тань Юньхан в ответ лишь слегка кивал, не говоря ни слова.

И все же что-то неуловимо изменилось. Линь Фэн чувствовал, что Тань Юньхан теперь задерживается на ничтожно малую долю секунды дольше, чем раньше. А иногда, когда Линь Фэн сталкивался с очевидными трудностями в тренировках, ледяной взгляд того на мгновение дольше задерживался на нем. И хотя больше не было никаких наставлений, для Линь Фэна это безмолвное внимание стало бесценным.

Время в упорных тренировках текло незаметно.

Глубокой ночью, когда лунный свет струился, словно вода, Линь Фэн не спал. Он отрабатывал Кулак Раскалывания Камней на поляне перед своей хижинкой. Свист от его ударов больше не был слепой яростью или натужной попыткой контроля — он достиг состояния гармонии, где сила и мягкость сливались воедино, а каждое движение подчинялось воле. Ци в его теле бурлила, подобно стремительному горному потоку, но при этом текла упорядоченно, раз за разом омывая прочную преграду.

Он чувствовал: барьер стал тонок, словно крыло цикады.

Сознание его было кристально чистым. Отбросив все лишние мысли, он вложил все свое понимание силы, все обиды и упорство, всю благодарность и обещания в следующий удар.

Именно сейчас!

В его глазах вспыхнул яркий свет. С выдохом, переходящим в клич, он медленно выбросил кулак вперед. Удар казался неспешным, но таил в себе взрывную мощь. Вся энергия сконцентрировалась на кончиках костяшек так плотно, что воздух, казалось, сжался, издав низкий гул.

Грохот!

Глухой звук, отозвавшийся где-то глубоко внутри, потряс его тело. Крепкая преграда, так долго мучившая его, рухнула. Поток Ци — куда более мощный и чистый, чем прежде, — мгновенно хлынул из нижнего дантяня, беспрепятственно разливаясь по всем конечностям и костям.

Четвертая ступень закалки тела!

Давно забытое чувство силы наполнило каждый уголок его организма. Поврежденные меридианы под напором этой новой энергии радостно вибрировали, становясь крепче и шире. Пять чувств обострились до предела: он слышал даже стрекот ночных насекомых где-то вдалеке.

Линь Фэн не сдержался и издал громкий клич, полный долго сдерживаемого ликования и восторга. Он наконец-то вернулся! Звук разнесся далеко по ночному небу.

Он тут же резко повернул голову и пристально посмотрел на темную, безмолвную хижину неподалеку. Слышал ли младший брат? Почувствовал ли? Он почти мог представить, как на том бесстрастном лице на мгновение промелькнуло едва заметное, почти неуловимое удовлетворение. От этой мысли у него запылала грудь.

Он подавил в себе порыв немедленно сорваться с места, чтобы поделиться радостью, и лишь крепко сжал кулаки, ощущая, как внутри бушует сила. В сторону хижины он безмолвно и торжественно отвесил низкий поклон. Большая часть этой радости от прорыва принадлежала тому человеку.

На следующее утро Линь Фэн рано ждал у каменной стены. Его дыхание было ровным, взгляд — ясным, а сам он походил на обнаженный меч, сияющий совершенно иным блеском. Хоть состояние после прорыва еще не успело окончательно стабилизироваться, этот прилив жизненных сил и уверенности скрыть было невозможно.

Тань Юньхан пришел вовремя и с первого взгляда распознал перемены: шаг стал увереннее,

дыхание — глубже, энергия вокруг тела — гармоничнее, а та невидимая преграда исчезла.

Прорыв состоялся. Ключевая точка плана достигнута.

Тань Юньхан едва заметно запнулся. Согласно протоколу, сейчас ему следовало собрать данные и подготовить следующий этап наставлений. Он подошел к Линь Фэну и по привычке протянул тубус. Линь Фэн взял его, но не стал благодарить сразу, как обычно.

Он поднял голову, глядя на Тань Юньхана ярко и решительно. Его голос из-за волнения звучал ниже и тверже, чем всегда:

— Младший брат Тань, я совершил прорыв.

Это было не просто констатацией факта, а приглашением разделить радость. В его глазах читалось неприкрытое желание получить одобрение.

Тань Юньхан встретился с ним взглядом и кивнул, тоном, как всегда, ровным:

— Хм, я почувствовал.

Все то же ледяное выражение, но Линь Фэн чутко уловил: в момент кивка в глубине его угольно-черных глаз на мгновение промелькнул едва уловимый отблеск, словно рябь на поверхности замерзшего озера. К тому же сегодня на нем были новые серьги — из искусно отполированных косточек темно-фиолетовых диких ягод, названия которых он не знал. Неправильной формы, но с каким-то холодным, изысканным очарованием, они странным образом гармонировали с его бледной кожей и холодным нравом.

Он заметил. Он даже сменил серьги. Это было не просто «почувствовал», все гораздо сложнее.

Огромная радость захлестнула Линь Фэна. Он не удержался и сделал шаг вперед, сокращая дистанцию, и его голос стал еще горячее:

— Благодарю, младший брат! Если бы не твоя забота и советы в эти дни, Линь Фэн никогда бы не достиг сегодняшнего дня!

От его внезапного приближения Тань Юньхан едва заметно отклонился назад, но не отступил. Он отчетливо видел в глазах Линь Фэна искреннюю, чистую и горячую благодарность. Этот прямой напор эмоций, казалось, грозил растопить его едва залатанную ледяную скорлупу. Он подсознательно попытался найти способ реагирования, но обнаружил, что модуль в его базе данных под названием Как отвечать на излишне эмоциональную благодарность объекта пребывает в некотором беспорядке.

Он отвел взгляд на каменную стену и постарался сохранить хладнокровие:

— Ты сам накопил достаточно, это было лишь вопросом времени.

— Нет! — отрезал Линь Фэн, глядя на него с пылом. — Твоя милость, младший брат, — то, что я никогда не забуду!

Он смотрел на слегка отведенный в сторону профиль Тань Юньхана, который, казалось, не знал, как справиться с таким напором, на эту холодную фиолетовую сережку-косточку. Внутри него что-то дрогнуло, и сильный порыв заставил его выпалить:

— Младший брат, я...

Он осекся, глубоко вдохнул, словно давая торжественную клятву, и заговорил медленно и веско:

— Когда я улажу свои дела и твердо встану на ноги, я сделаю все возможное, чтобы отблагодарить тебя! Чего бы ты ни пожелал — если у меня это будет, я ни в чем не откажу!

Это были не пустые слова, а обещание, обдуманное до мелочей. Он смутно чувствовал, что этот загадочный младший брат, оставшись в боковой ветви семьи Линь, преследует какую-то цель или нуждается в редких ресурсах.

Услышав это, Тань Юньхан наконец медленно повернул голову обратно к Линь Фэну. Их взгляды встретились. Глаза Линь Фэна были искренними и горячими, полными юношеской решимости. Тань Юньхан молчал, глядя в них.

Чего он хочет? Он хочет, чтобы ты всю жизнь любил лишь одного человека, и этим человеком должен быть я — таков был конечный KPI. Но сейчас явно не время об этом говорить. Он вдруг вспомнил о сборнике рецептов, обещанном системой 007 за выполнение задания. Возможно, это станет отличным крючком для дальнейшего взаимодействия.

И тогда, под пристальным взглядом Линь Фэна, Тань Юньхан слегка склонил голову, обнажив сережку из фиолетовой косточки, и произнес тихим голосом — все еще ровным, но, кажется, лишенным прежней ледяной нотки:

— Если действительно хочешь отблагодарить, то, когда будет свободное время, приноси что-нибудь из необычных ингредиентов.

Он помолчал, словно подбирая слова, и добавил:

— После прорыва ты будешь бывать в новых местах.

Сказав это, он, видимо, счел такую просьбу не подобающей образу «высокого мастера», перестал смотреть на Линь Фэна и зашагал прочь. Только вот его шаг в этот раз был не таким решительным, как обычно, а, напротив, выдавал едва заметную спешку?

Линь Фэн остался стоять на месте, глядя на его удаляющуюся спину — он почти бежал! — и машинально коснулся лесных ягод, спрятанных у него за пазухой, которые он хотел подарить,

но постеснялся достать.

Необычные ингредиенты.

Значит, этот непостижимый младший брат на самом деле скрытый гурман? Открытие поразило Линь Фэна, а затем уголки его губ поползли вверх, превращаясь в тихий, довольный смешок. Оказывается, вот где ключ к сердцу этого ледяного человека!

— Хорошо! — крикнул он вслед удаляющейся фигуре. В его голосе звучал невыразимый восторг и странная, едва уловимая нежность. — Договорились! Я обойду весь мир в поисках деликатесов и обязательно поделюсь с тобой!

Фигура впереди, казалось, споткнулась и зашагала еще быстрее.

Улыбка Линь Фэна становилась все шире, пока он крепко сжимал в руках бамбуковый тубус.

<http://bllate.org/book/22471/2365251>